

Влас Дорошевич

Дар слова

Индийские сказки
и легенды

Москва
2019

УДК 82-343
ББК 84(2=411.2)
Д69

Оформление, макет
Валерий Калныньш

Иллюстрации
Вера Коротаяева

Дорошевич, В. М.
Д69 Дар слова : индийские сказки и легенды / Влас Михайлович Дорошевич; составление, предисловие и примечания С. В. Букчина. — М. : Время, 2019.— 224 с. : ил. — (Сказочное время).

ISBN 978-5-9691-1770-9

Сверхпопулярный в России на рубеже веков «король фельетона» и «король репортажа» Влас Михайлович Дорошевич (1865–1922) — талантливый, остроумный, азартный — не смог отказать себе в притязании на еще один титул. Он создал собственное царство литературно-этнографической сказки. Дорошевич много странствовал по миру, жадно впитывал впечатления. «Каждый день узнаю, вижу такую массу нового, интересного, что сразу нет возможности даже сообразить все. Мне часто кажется, что я сошел с ума и все, что я вижу кругом, — кошмар. До того все чудовишно и красиво в одно и то же время». Это он об Индии. Многие из придуманных Дорошевичем (или все-таки услышанных?) индийских легенд и мифов — о клевете, о реформах, о статистике, о приспособленцах, о дураках — российским властям того времени казались опасными и несвоевременными. Но времена и власти меняются, а сказки Дорошевича, как и положено настоящим сказкам, остаются актуальными.

ББК 84(2=411.2)

ISBN: 978-5-9691-1770-9

9 785969 117709

© Букчин С. В., состав, предисловие, примечания, 2019
© «Время», 2019

Индийские сказки и легенды Власа Дорошевича

С юношеских лет Индия была мечтой русского журналиста Власа Михайловича Дорошевича (1865–1922). Ее боги, герои мифологии появляются в его сказках и легендах задолго до того, как ему довелось побывать в этой стране.

Первая легенда, «Женщина», в которой под именем Магадэвы действует великий бог индуистской триады Шива, была опубликована в журнале «Будильник» в 1889 году. И только восемь лет спустя Влас Дорошевич, в ту пору сотрудник «Одесского листка», посетил Индию. В 1904 году он побывал там еще раз и с полным основанием мог сказать, что изъездил страну «вдоль, поперек и наискось». С образным «постижением Индии» по-своему перекликается одно из писем Дорошевича к издателю И. Д. Сытину: «Каждый день узнаю, вижу такую массу нового, интересного, что сразу нет возможности даже сообразить все. Мне часто кажется, что я сошел с ума и все, что я вижу кругом, — кошмар. До того все

чудовищно и красиво в одно и то же время... Путешествие страшно трудно. Жара удушающая — 40—45 градусов. Что-то ужасное. Кругом чума. Но я здоров. Зацапал только тропическую лихорадку и вторую неделю ничего не ем; две тарелки куриного бульона в день, без хлеба, без всего. Но крепок и бодр: уж очень кругом все интересно. Шатаюсь по таким местам, где ни гостиниц, ни приюта. Ночую то в пустом вагоне, то на станции где-нибудь. Трудно, но зато уж очень материал хорош».

Дочь журналиста Наталья Власьевна в своих неизданных воспоминаниях об отце пишет: «Прекрасная индийская земля с ее непередаваемыми красотами и очарованием, с ее древней культурой, глубоко философскими, красивыми сказками, с ее бесконечными бедами, голодом и нищетой открылась перед ним как сказочный лотос. Он написал множество корреспонденций из Индии, политически острых, раскрывающих секреты английского владычества, блестящих, приближающихся по стилю своему к лучшим страницам русской художественной прозы. Пожалуй, никто из русских писателей и публицистов не написал столько, так глубоко и так интересно об Индии... Он сумел увидеть Индию по-новому, не только сокровища ее и экзотику, как это было с другими писателями, но и индийский народ».

Поездка по Индии совпала с английской «военной экспедицией» в Тибете, а по сути с войной, которую Англия вела «индийскими войсками и на индийские деньги». Да, англичане, может быть, лучшие в мире защитники правосудия, неприкосновенности личности и собственности, но «до той минуты, пока страна не покорена, они не знают сентиментальности». О зверствах английских солдат известно со времен восстания сипаев, «когда на деревьях было больше людей, чем плодов».

Накануне английской интервенции начали устанавливаться дипломатические контакты между Тибетом и Россией. Призрак рус-

ских штыков за Гималаями, подчеркивает Дорошевич, стал настоящим кошмаром для старой Англии, считавшей, что пока Тибет ей не принадлежит, Индия еще не совсем покорена.

Но разве может быть покорен олицетворяющий свою страну Инду, трудолюбивый и мудрый герой легенды Дорошевича «Сон индуса»? Тот самый Инду, «на котором английские леди катаются на дженериках, словно на вьючных животных», «дровосек, прачка, проводник слонов или каменотес — глядя по обстоятельствам», видит во сне, что он предстал перед высшими божествами, которые решили показать ему «вечную жизнь». Он увидел поистине счастливых людей, «настоящих праведников», и одновременно ужасных чудовищ, превращающих грешников в скорпионов, жаб, змей, прочих нечистых животных. Он услышал голоса предков, превратившихся в высокие пальмы, яркие цветы и плоды. И когда он проснулся от удара сапогом своего хозяина, назвавшего его ленивой канальей, то улыбнулся, потому что «знал кое-что, о чем и не догадывался мистер Джон».

Восток должен проснуться, должен сбросить с себя колониальные вериги — Дорошевич был уверен в том, что «двадцатый век выдвинул на мировую сцену новые политические могущества, переместив центр тяжести великих грядущих событий туда, где недавно Европа хозяйничала как хотела. <...> Нет сомнений, что мы находимся накануне таких переворотов, которые совсем изменят вместе с политической картой земли и установившийся было уклад ее жизни».

Он хотел написать книгу об Индии, ее публикация не раз объявлялась в газете «Русское слово». Были привезены богатейшие коллекции изделий из бронзы и слоновой кости, минералов, фигурок богов и животных, акварельных миниатюр, вееров, шкатулок, рукописи на санскрите, книги на английском языке, сотни фотографий. И конечно же, десятки тетрадей с дневниковыми записями.

Появившиеся один за другим три очерка под общим названием «Индия» («Призрак мира», «Религия», «Атеизм») свидетельствовали как о желании нарисовать сложную картину духовного состояния индийского общества, так и о стремлении проникнуть в тайны индуизма, постижение которых помогает «достичь того состояния, когда человек становится сверхчеловеком, богом, становится Брамой». Последнему должны были содействовать встречи и беседы с последователями великих индийских мудрецов-йогов, которые он вел в Бенаресе, Агре и других священных городах.

1905 год отодвинул индийский замысел. Коллекции Дорошевича его жена, актриса К. В. Кручинина, после развода увезла в Сочи. Там их нашла дочь Дорошевича Наташа: «И еще было одно место в дедушкином доме, особенное, заповедное: чердак над конюшней, кухней и службами. Стоило подняться по узкой высокой лесенке с неудобными косыми ступеньками на большой, светлый чердак с решетчатыми стенами, где свободно гулял ветер, как кончался реальный мир и начинался мир сказочный. Здесь была Индия. В ряд стояли большие сундуки из потемневших пальмовых досок, и каждый из них таил сокровища, которыми никто, кроме меня, не интересовался, несмотря на их значительную ценность. Ко мне приходили две школьные подруги, и мы наряжались в пестрые, узорчатые шали, расставляли на потолочных балках в ряд бронзовых многоруких богов, перелистывали книги в деревянных переплетах со страшилами из тонкой стружки; тонкие стеклянные бутылочки еще хранили запах почти выдохшихся благовоний; в больших стеклянных коробках топорщились ядовитые скорпионы, переливались всеми цветами радуги крылья огромных бабочек. Два сундука были заполнены фотографиями величественных храмов, жалких лачуг. Отрезав потихоньку пучок волос от хвоста или гривы доброго коня Васьки, мы делали из них воинственные усы, как на фотографиях индийских раджей, пытались смастерить костюмы

баядерок, танцевали какие-то дикие танцы. Были тут и кинжалы в ножнах, шитых бисером, и целые связки модных колец, браслетов для запястий и щиколоток, мелодично звеневшие при каждом движении. Связок рукописей я не трогала, как-то инстинктивно понимая, что это-то и есть самое нужное и ценное из всего. Но это не помогло: в следующие годы все постепенно исчезло, пропало».

Книга об Индии не получилась, но ее образы, герои ее мифологии продолжали жить в творчестве Дорошевича. Он использует их в легендах «О происхождении клеветников» и «Происхождение глуposti», отвечая таким образом не только своим личным недоброжелателям, распространителям клеветы, но и прочим любителям использовать печатное слово в клеветнических целях. Лицемерие и фарисейство мнимых последователей Льва Толстого обнажала сказка «Цыпленок». Написанная весной 1901 года, в период студенческих волнений, легенда «Реформа» высмеивала те преобразования в области просвещения, обещаниями которых правительство надеялось успокоить общественное мнение. Суровым предупреждением властям, не извлекшим урока из революционных событий 1905–1907 годов и предпочитавшим карательную политику, прозвучала легенда «Чума», в которой исстрадавшуюся принцессу Серасвати (олицетворение лучших человеческих качеств) великая богиня мести и разрушения Кали превращает в богиню Чуму, обрушившуюся на своих мучителей. Страшная богиня Кали появляется и в памфлете, посвященном министру внутренних дел П. Н. Дурново. Ее капища — это полицейские участки, «ее брамины на каждом перекрестке», а сам министр внутренних дел назван «ее первосвященником». В другом памфлете, запечатлевшем облик постоянно лавировавшего премьер-министра С. Ю. Витте, Дорошевич использует легенду о воплощении бога Вишну под именем Кришны: «Всемогущий, он превратился сразу в пятьсот Кришн. И каждый Кришна протанцевал с каждой хорошенькой пастуш-

кой, и каждая пастушка была уверена, что с ней одной танцевал бог». Неожиданно перекочевавшие со страниц эпических поэм «Махабхарата» и «Рамаяна» в российскую действительность, образы индийской мифологии способствовали усилению сатирической, публицистической экспрессии в фельетонах и памфлетах Дорошевича.

Сюжеты многих его легенд и сказок оказались живучими. Придавая индийской мифологии актуальный характер, Дорошевич вместе с тем всегда помнил об Индии как родине древнейшей человеческой цивилизации, источнике подлинной мудрости, красоты и вдохновения. Его особенно привлекал в индийской философии призыв к человеку внимательнее взглянуть в самого себя, обуздать собственную гордыню, понять, что есть добро и зло.

О том, что человеку много дано, но он должен думать над тем, как распорядиться своими талантами, посланным ему свыше даром, говорят такие легенды, как «Человек и его подобие», «Дар слова». Дорошевич не случайно посвящает легенду «Человек и его подобие» Горькому и близкому к нему в начале 1900-х годов писателю С. Г. Скитальцу. Она была опубликована вскоре после премьеры пьесы Горького «На дне» в Московском Художественном театре (1902). Дорошевич откликнулся на нее восторженной рецензией, назвав пьесу гимном человеку. В появившейся через полтора месяца на страницах «Русского слова» легенде «Человек и его подобие» можно усмотреть своего рода полемику с этим «гимном». Словам героя горьковской пьесы Сатина «Человек — это звучит гордо!» здесь противостоит призыв не самообольщаться. «Король фельетонистов» не противоречил самому себе. Он относился к человеку со всеми его достоинствами и недостатками, следуя индийской мудрости: «Если один человек победил тысячу раз тысячу людей в сражении, а другой победил себя, — он победил больше».

С. В. Букчин

СОТВОРЕНИЕ БРАМЫ

Это было весною мира, на самой заре человечества. Показался только краешек солнца, и женщина проснулась, как просыпается птица при первом луче. Быстро, ловко, проворно, цепляясь руками и ногами, она спустилась с дерева. Как обезьяна.

Она подражала обезьяне и гордилась, что умеет лазить совсем как обезьяна. Женщина умылась у холодной струи, бившей из скалы, и, свежая, радостная, как обрызганный росой ландыш, побежала, срывая по дороге цветы, к большому озеру. Побежала, прыгая, как коза.

Она подражала козе и гордилась, что прыгает выше. Женщина умывалась и пила из холодного источника, бившего в скале, потому что в жару это текла:

— Радость.

Женщина знала два слова: «радость» и «беда». Когда ее целовали, она называла:

— Радость.

Когда били:

— Беда.

Все, что ей нравилось, было:

— Радость.

Все, что было неприятно:

— Беда.

Она умывалась и пила из холодного источника, потому что это была «радость».

Но она была любопытна и всюду заглядывала. Человек сказал ей, чтобы она не ходила к большому озеру:

— Там я видел огромных ящериц, которые тебя съедят. И туда ходят пить слоны. А они злы, когда хотят пить, — как я, когда хочу есть.

И женщине захотелось посмотреть хоть мельком на больших ящериц и огромных слонов.

Умирая от страха, она пробралась к озеру.

Никого.

— Может быть, ящерицы там?

Она заглянула в воду. И отскочила.

Из воды на нее глядела женщина. Она спряталась в кусте.

— Беда!

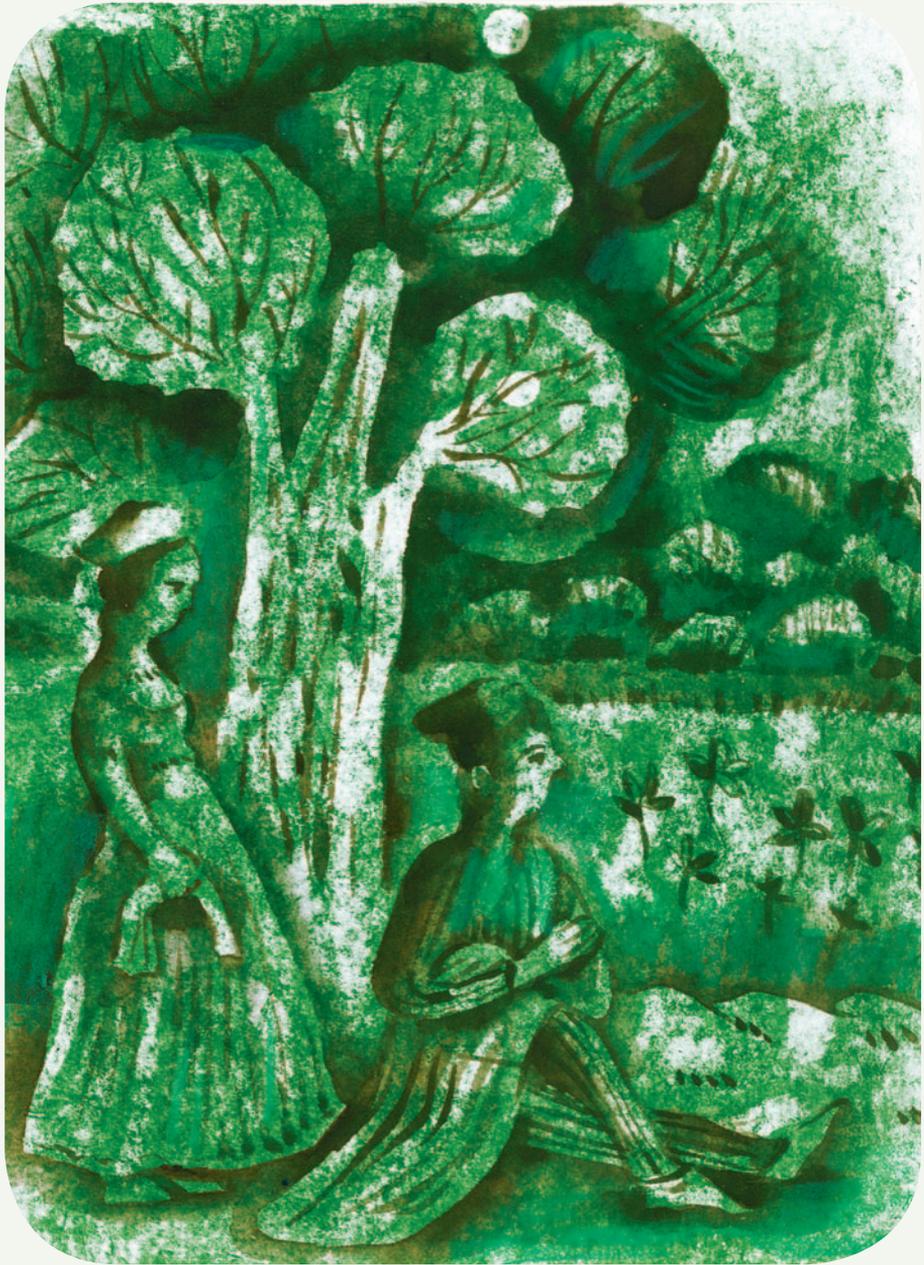
Женщина сейчас выскочит из воды, вцепится ей в волосы или выцарапает глаза.

Но женщина не выскакивала из озера. Тогда она снова заглянула в воду.

И снова на нее с любопытством смотрела женщина. Тоже с цветами в волосах.

И не собиралась вцепиться ей ни в волосы, ни в глаза.

— Радость?

Она улыбнулась. И женщина ей улыбнулась. Тогда она захотела с ней поговорить. И засыпала ее вопросами. Где она живет? Есть ли у нее человек? Что она ест? Какие у нее с ним радости? И часто ли бывает беда?

Женщина шевелила губами. Но ничего не было слышно. Тут было что-то непонятное.

Женщина пришла к озеру в другой раз, и в третий, и еще, и еще.

И когда бы она ни приходила, женщина в озере ждала ее. Рассматривала ее, улыбалась, смеялась, шевелила губами, когда она говорила.

И всегда была убрана теми же цветами. И всегда, целые дни ждала ее.

«Она меня любит! — подумала женщина. — Любит».

Это слово она знала.

И когда решила, что любит, — стала требовательна.

«А по ночам она меня ждет? А вдруг я приду ночью!»

По росе лунною ночью она пробралась к озеру, заглянула и вскрикнула:

— Радость!

Женщина была там. Ждала ее. В серебристом сумраке воды она рассмотрела ее радостные глаза, улыбку и сверкающие зубы. Около только что распустился цветок лотоса. Женщина протянула руку, сорвала его и приколола в волосы. И та женщина тоже протянула руку к цветку, сорвала его и тоже приколола к волосам. Цветок был один.

А у каждой было по цветку в волосах. Это было непонятнее всего. Женщина отскочила от странного озера. Над озером плыла луна, и в озере плыла луна. Над

озером поднимались деревья, и в озере падали деревья. Над озером была она, и в озере...

Неужели?..

Целый рой веселых и радостных мыслей закружился у нее в голове, и она побежала домой, зная, что делать с восходом солнца.

Всю эту ночь она тревожно спала, наяву и в полусне выдумывая разные хитрости. И едва показалось солнце, проснулась, как птица при первом луче, и, срывая по дороге цветы, побежала к озеру. Она нарвала разноцветных цветов, бросила их на берегу и приколола в волосы только один — белый.

И у женщины в озере был в волосах белый цветок.

Она приколола красный — и у женщины в озере был красный.

Приколола желтый — и у той появился желтый.

Она взяла цветок в рот.

И у женщины в озере был пурпурный цветок в белых зубах.

Тогда она расхохоталась от радости, от счастья, от восторга.

— Это я!

Она не могла наглядеться на себя, улыбалась себе, смеялась, убирала волосы цветами и глядела на себя с нежностью, почти со слезами.

Потом она побежала к человеку. Он еще спал в тени, среди ветвей, в гнезде, на дереве. Она начала его толкать:

— Вставай! Вставай! Бежим! Я покажу тебе новое! Новое! Чего ты не видел!

Он проснулся злой.

— Чего ты меня разбудила? Мне снилось, что я ем.

Она рассмеялась:

— Ты неумный!

Это слово она знала от него. Умным он называл все, что говорил он. Неумным, — что говорила она.

— Ты неумный! Разве можно быть сытым тем, что ешь во сне!

Но он мрачно сказал:

— Наесться тяжело. Приятно только есть.

— Идем, идем! Я покажу тебе что-то, что лучше всякой еды.

Он презрительно усмехнулся:

— Что ж может быть лучше еды?

Иногда ему казалось, что она лучше даже еды. Но это длилось недолго.

И он снова понимал, что еда все-таки лучше всего. Есть хочется чаще.

Женщина приставала так неотвязно, что он пошел за нею.

— Не беги так! Что нового ты можешь показать мне? Ты?

Он пошел, чтоб назвать ее неумной, рассердиться, поугагать, быть может, отколотить и посмеяться, как она будет убегать.

«Придет! Захочет есть!»

Ему доставляло удовольствие чувствовать свое превосходство над нею. Они дошли до озера. Она дрожала от нетерпения.

— Посмотри скорей в воду! Посмотри!

Он заглянул, затрясся, закричал. На него смотрел человек.

Он схватил огромный камень и бросил, чтоб разmozжить ему голову.

Подождал несколько мгновений и снова осторожно заглянул. Что сделал?

Человек смотрел на него. Такой же безобразный и страшный. Был жив и, значит, страшен.

А женщина хохотала, сидя на траве, и всплескивала руками.

— Ты позвала другого человека, чтоб меня убить?

Он сломал молодое деревце и кинулся на нее.

Она в ужасе закричала:

— Остановись! Остановись! Ведь это ты же! Не убивай! Смотри! Я буду глядеть в воду, и там буду я! Я уж давно потихоньку гляжу каждый день. Я не боюсь, чего же боишься ты? Неумный! Неумный! Пойди сюда! Вот смотри. Видишь — я? Я? Я? Теперь видишь, что это я? А вот и ты! Смотри, ты! Ну, подними палку! Видишь, ты поднимаешь палку и там? Опустит! Видишь, ты опускаешь и там! Смотри, я тебя обнимаю. Видишь? За что же ты хотел меня убивать?

Он оттолкнул ее и долго лежал, опершись о берег обеими руками, рассматривал себя, низко наклонившись над водой.

— Как я красив!

Наглядевшись, он поднялся в страхе.

— Это — чудо!

Все, что он понимал, он считал:

— Дрянью. Ничего не стоит.

Все, чего не понимал, называл:

— Чудом.

— Это чудо. Я давно замечал, что все кругом полно чудес, которых я не понимаю.

И он задумался.

Женщина хотела к нему приласкаться.

— Радость новое?

Он оттолкнул ее.

— Я думаю.

Когда ему хотелось целоваться, он находил ее красивой и целовал.

Когда больше не хотелось целоваться, он говорил:

— Я думаю.

— Но что ж это? — спросила она. — Ты умный. Что это?

— Это...

Он выдумал новое слово:

— Это отражение!

Как будто это что-нибудь объясняло.

Он отогнал ее:

— Оставь меня. Я думаю.

Он думал с ужасом, с трепетом:

«Кто же создал меня, такого красивого? Я создал из камня топор. Он могуч. Он срубает деревья. Но насколько могущественнее я! Я, его создавший! Я могу его сломать, и сделать себе другой, и сломать другой, и сделать третий». Он поглядел еще раз в воду.

— Я чудно красив. Как же должен быть красив тот, кто меня создал? Он должен быть прекрасен!

Слезы подступили у него к горлу. Он думал:

«Я силен. Я бью женщину. Я ломаю деревья. Я убиваю животных. Камнем я перешибаю им ноги. Камен-

ным топором разрубаю головы. Я очень силен. Каков же должен быть тот, кто меня создал? Он должен быть всемогущ».

Он задрожал при этой мысли. И думал:

«Я умен. Я очень умен. Я знаю, что в траве ползают змеи, укус которых ядовит и смертелен. Я знаю, что по земле ходят тигры. И я сплю на ветвях деревьев, чтоб ко мне не могла заползти змея, чтоб меня не мог достать тигр. Так я умен. Каков же должен быть он, чтоб создать такого умного? Он должен быть премудр!»

Он был полон умиления.

«И как он наградил меня всем! Красотою, силою, умом. Он должен быть добр! О, как он должен быть добр! Как мне назвать его? Я назову его Брамой».

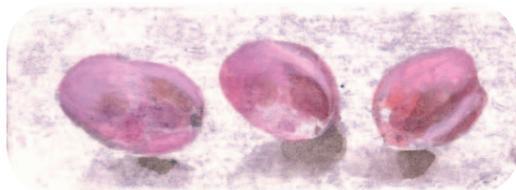
Это слово показалось ему прекрасным, как всякое слово, какое он выдумывал.

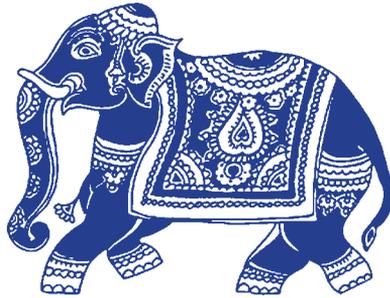
И человек в восторге упал на колени, простирая руки к небу:

— О, Брама, великий, всемогущий, премудрый, прекрасный и полный любви, я узнал тебя чудом, увидев свое отражение!

Так сотворен был Брама.

Это было весною мира, на самой заре человечества. В одно и то же утро мужчина создал Брамму, а женщина выдумала зеркало.

ИНДРА

Однажды Индра, бог богов, выполняя свой искус и достигая совершенства на всех ступенях существования, вселился в борова.

Он проснулся утром на залитой солнцем поляне, на берегу лазурной реки.

Оглянулся, весело хрюкнул, поел росших кругом овощей, от резвости порыл носом землю и побежал гулять.

По дороге он встретил свинью.

С нежно-розовой кожей, на которой, словно тончайшие золотые иглы, то там, то здесь сверкали щетинки.

Как будто солнце золотыми блестками осыпало ее розовое тело.

Боров сам был недурен. И у него на спинке росла серая щетинка.

Он остановился, загляделся.

Заметил, что и она искоса смотрит на него.

Он робко и ласково хрюкнул.